

СКВОЗЬ
ОГОНЬ

ЕВГЕНИЯ
ОВЧИННИКОВА

СКВОЗЬ
ОГОНЬ

РОМАН

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-35

Редактор серии *А. Осминина*
Дизайн обложки *В. Безкровного*

Овчинникова, Евгения Сергеевна.

О-35 Сквозь огонь : [роман] / Евгения Овчинникова. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-185668-7

«Они её нашли». Всего три слова — и Александра бросает привычную жизнь и срывается в затерянный в сопках городок своего детства. Ей предстоит вновь погрузиться в собственный ад, пройти сквозь огонь и удушливый дым воспоминаний, балансируя на тонкой грани между реальностью и безумием. Сумеет ли она раскрыть страшную тайну исчезновения своей лучшей подруги? Разгадка может оказаться гораздо ужаснее, чем она себе представляла.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© ООО «ЛитРес», 2022
© Овчинникова Е.С., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-185668-7

Глава 1

— **В**ам пора.
— Александра Валерьевна, еще
чуть-чуть!

— Уезжайте. Родители будут беспокоиться.

— Ха, наши — не будут!

— Гы-гы-гы, точно не будут!

— Давайте-давайте.

Они нехотя поднялись, разминались, по очереди сходили в туалет и обулись, вышли на крыльцо.

В зале они вели себя идеально. Другие тренеры удивились бы, увидев, как они ведут себя у меня дома. Я никогда не одергивала их и ничего не запрещала, не обижалась на грубость. Они рассказывали мне, когда их родители уходят в запой, а я помогала найти, где перекантоваться пару ночей им и их братьям и сестрам.

Я провожала их до калитки на противоположной стороне большого участка.

— А что вы сейчас пишете? — спросила Рита.

ЕВГЕНИЯ ОВЧИННИКОВА

— Сборник страшилок для веб-сериала. А вы мне мешаете.

— А давайте мы вам поможем!

Я вытерла капельки пота с верхней губы.

— Попробуйте.

— Вот мне отец рассказывал, как в деревне, где он жил, одних девочек выгнали из автобуса в мороз в поле, потому что у них денег заплатить не было. Они вышли, и никто их больше никогда не видел!

Я почувствовала, как в раскаленном воздухе по ногам поползли вверх ледяные мурашки. Оглянулась на входную дверь — травинки у веранды не шелохнутся, на полу — косое солнечное пятно от проема. Восемь вечера.

— А у нас на кухне все время вода капает. Капает и капает. И закручивали, и чинили — все равно капает. Так вот, я думаю, у нас там...

— Живет Темный Капельщик?!

Они расхохотались.

— А у нас из окна видно детский сад. И я все время вижу, особенно зимой, когда уже темно, что дети забегают в один темный угол, играют они так. И кажется, что оттуда не все возвращаются.

— А-а-а, страшно!

— Давайте не про детей, — попросила я. По ногам снова поднимались ледяные мурашки. Пахнуло дымом. На краю зрения мелькнуло что-то красное. Я оглянулась — ничего.

— Вот вам не про детей. К нам весной сосед сверху приходил. Просил сигарет в долг. Я через

дверь разговаривала — батя не велел открывать. Ходил так много дней подряд, каждый день. А потом умер.

— Ты вообще, что ли? Это же не страшно.

Скоро я вытолкала всех за калитку, вручив остатки печенья и чипсов, которые купила к их приезду. Девчонки полезли обниматься. Я обнимала их, отводя глаза. Когда мы начинали тренировки, они ловили мой взгляд, недоуменно переглядывались, когда при разговоре я смотрела в сторону, но скоро привыкли.

Я вышла на дорогу, чтобы убедиться, что они пошли в сторону станции. Разумеется, работать я не собиралась, но замерзшие девочки и покойник-сосед уже залезли мне в голову и, перебивая друг друга, рассказывали свои истории. Я собрала и запихнула разорванные упаковки в мусорный мешок, унесла в спальню надувной матрас и немного поддула его. Коврики — в ванную, овечьи шкуры — в кладовку, не до них в такую жару.

Солнце переместилось ниже, и крыша уже не защищала как днем. Оно прожигало дом насквозь, и снова едва заметно запахло гарью, я готова была поклясться, что запах чувствую только я. На кухне громыхнуло, и я вздрогнула (Темный Капальщик). Пошла посмотреть, обходя раскаленные полосы света. На кухне все было в порядке, но в кладовке что-то (или кто-то?) заворочалось, захрипело.

Я рванула дверь, и из темноты выпали весла. Они стукнули меня по лбу ободранными пласти-

ЕВГЕНИЯ ОВЧИННИКОВА

ковыми лопастями и, пока я в ужасе размахивала руками, рухнули к ногам. Я обругала их матом, подняла и положила вдоль стены, чтобы опять не упали. Весла задели байдарку, и она с противным шуршанием, прочертив дугу на стене, свалилась на альпинистские веревки. Карабины звякнули и скастились на пол. После этого все стихло, и к запаху гари добавился запах непросушенных ковриков, хвои и речной воды. Я осмотрела кладовку, проверяя, не собирается ли упасть еще что-нибудь. Непромокаемые костюмы смиренно висели на крючках. Доски для сноуборда и лыжи придавлены ботинками и касками.

— Иди ты тоже подальше, — сказала я байдарке.

Еще немного постояла, глядя на свой экстремальный скарб, и, когда сердце перестало грохотать, захлопнула дверь.

В ту же секунду по крыше забарабанили. Удары раздавались часто, будто падал град или камни. Солнце продолжало сиять.

* * *

Адское пекло началось в первых числах июля. Центр города раскалился, а асфальт оставался мягким даже в короткую белую ночь. Бродящий по лабиринтам Песков сквозняк нагревался за день и горячо обдувал нас ночью, когда мы выходили на улицу в поисках прохлады. Солнце издевалось над нами. За месяц над дождливым городом не показалось ни

тучки. В нашей квартире на мансарде не помогли ни открытые окна, ни кондиционеры, ни вентиляторы. Едва закатываясь за горизонт, солнце вставало снова, начиная очередной безнадежно жаркий день.

С наступлением жары мы отправили детей к дедушке в Репино. Там, в доме, укрытом тенью сосен, они бездельничали и ежечасно присылали фотографии: вот мы обедаем, вот дедушка читает детектив, вот мы купаемся в заливе. Мы с Сергеем смотрели, умилялись и чувствовали себя хорошими родителями.

В другое время, оставшись вдвоем, мы гуляли бы по городу, как в двадцать лет, и встречали рассвет. Но жара выпарила всю романтику. Обливаясь потом, вечерами мы сидели в гостиной и смотрели сериалы один за другим, один за другим. Череду сменяющих друг друга лиц разбавляли холодный лимонад, холодное пиво, холодная окрошка. Они не помогали. Чудовищная жара проглатывала нас, она проглотила весь город, и он, задыхаясь, барахтался в ее раскаленном чреве.

Федеральный канал тянул с решением по сценарию, присылал нелепые правки. Я молча вносила правки и отправляла файл, и еще раз, и снова. За возможность засветиться в ночном эфире со второсортным сериалом я готова была переписывать сценарий хоть до пенсии. Продюсер психовал и названивал знакомым в Москву, просил подергать за ниточки, напомнить, написать, позвонить. В ожидании я взяла работу над веб-страничками.

ЕВГЕНИЯ ОВЧИННИКОВА

Время тоже плавилось на жаре. Я ложилась под-ремать в тягучие обеденные часы. Тогда она снова стала приходить ко мне. В состоянии между сном и явью я видела одновременно рисунок на обоях и ее — как она идет по разбитому тротуару между нашими домами. То я бежала за ней и звала по имени, но она удалялась, удалялась и исчезала в дыму. В ту же секунду дым густел, чернел, забивался в горло, и я просыпалась от собственного кашля. То вдруг она появлялась рядом с пугающей ясностью и близостью. Мы стояли на крыше общаги, и все было как тогда: и жара, и запах гари, и дым, завлакивающий небо. Я протягивала руку, чтобы прикоснуться к ней, но она пятилась от меня, запинаясь о невысокий парапет и падала вниз, и тогда я просыпалась в слезах.

Она приходила в мои сны всегда грустная, с болезненным видом, с синяками и ссадинами, с неровно остриженными под корень волосами, такая, какой я увидела ее тогда на асфальте. То вдруг мы вместе оказывались в горячей тайге, на просеке — и опять она уходила, а я догоняла. Вокруг полыхали деревья, искры летели мне в лицо и на голые руки, передо мной падали горящие кедры, я перелетала через них, а она уже исчезала за холмом. И, поднявшись следом, я понимала, что это не холм, а край крыши, и становилось ясно, что увижу, если посмотрю вниз. Серый двор. Обшарпанную детскую площадку. Палисадник без ограды. И ее тело на асфальте: лежит на животе, руки раскинуты, одна нога подогнута, роскошные

волосы неровно острижены. Кошмарный сон переносил меня прямо к ней, я вставала на колени, касалась ее лица и в тот же миг просыпалась.

— Это из-за жары, — говорил Сергей.

Он покупал мне валерьянку, настойку пиона, пустырник, корвалол. В бокал с водой падали пахучие капли, расплываясь темными облачками.

Но Сергей ошибался, дело было не только в жаре. Чему-то предстояло случиться, поэтому она так настойчиво врывается в мои сны. Все было как тем летом, и я ждала, чем закончится нынешнее пекло.

— Поехали на дачу, — как-то сказал Сережа. — Там прохладнее.

Огромный дачный дом был уже достроен, но еще стоял без мебели. Мы провели электричество, холодную воду и даже стационарный телефон. Дома мы отключили его лет десять назад. Красный дисковый телефон усатый бригадир привез из своих закровов проверить линию, да так и оставил нам. Номер на куске газеты был приклеен скотчем под диском. В трубке слышалось низкое гудение, словно стонали все провода мира.

Утром Сережа уезжал в офис, возвращался поздно вечером.

Я надеялась, что переезд излечит меня от кошмаров. Но она стала приходить в каждый мой сон и изредка — в реальность. Иногда, краем глаза, я замечала мелькнувшие огненно-красные волосы. Мне казалось, что она смотрит на меня ночами из незашторенных окон, прикладывает ладонь к стеклу

ЕВГЕНИЯ ОВЧИННИКОВА

и шепчет мое имя. Она не пугала меня, и я ждала, что она скажет, зачем приходит, до того как психиатр назначит очередные антидепрессанты. Флувоксамин, амитриптилин, сертралин. Ламотриджин — чтобы не скакало настроение.

«Аномально высокая температура третью неделю держится в Ленинградской области», — сообщали заголовки газет, которые я покупала в сельском магазине.

В тот день Сережа уехал в семь утра. Я не могла уснуть и ходила по дому, ежесекундно решая то вернуться в город прямо сейчас, то поехать на дачу к свекру, то надеть купальник, пойти на речку и смешаться с людьми на деревенском пляже, куда набились и местные, и дачники.

Тренькнул телефон, я подошла и взяла трубку, там раздались хрипы, а затем — короткие гудки. Я подтащила матрас к телефону и легла, ожидая второго звонка, и снова позвонили. И опять — хрипы и короткие гудки.

Кто-то прорывался ко мне издалека, хотел услышать мой голос. Я решила никуда не идти и ждать, когда мне дозвонятся. Почему-то это казалось важным. Я сходила в душ, выпила воды, но телефон молчал.

Сережа написал, что сегодня обещают сорок градусов жары и мне стоит сходить на речку или пригласить банду подопечных из зала.

Банда в составе пяти человек — три мальчика и две девочки — явилась через два часа после моего сооб-

щения. Они маялись от безделья без школы и занятий в зале. Между мной и руководством клуба установилась негласная договоренность: я тренирую бесплатно, а они закрывают глаза на наши чересчур близкие для тренера и подопечных отношения. Они приходили ко мне домой, смотрели фильмы, я отдавала им ненужные вещи. Иногда после тренировки вела всех в «Мақдақ». Не смотрела в глаза и отводила взгляд от нестриженных ногтей, показавшегося из-под одежды заношенного белья и дырок на носках. Они смотрели на меня внимательно, ожидая похвалы.

После их ухода я собралась лечь на матрас, расплавиться вместе с ним и утечь в землю. Но по крыше застучали камни, и я бросилась к выходу. В распахнутую настежь дверь влетел темный комок, ударился об пол и, оставляя кровавую дорожку, прокатился и остановился у моих ног. Воробей. Когда он замер в изломанной позе, удары по крыше прекратились.

Я присела и потрогала воробья — мертвый. Теплый, но мертвый. К горлу подкатила истерика. Поняв, что именно стучало по крыше, я вылила четверть пузырька пустырника в стакан, разбавила водой и выпила. Походила туда-сюда, пока желание разрыдаться не сменилось вялым отупением.

Пол на веранде был усыпан мертвыми птицами. Воробьи, трясогузки, жаворонки, мухоловки, вьюрки. Я закрыла глаза. Ласточки. Трава на участке вздрагивала — кто-то еще боролся за жизнь. Вокруг дома по периметру — кровь и холмики перьев. Убрать, скорее убрать. Нельзя оставлять на жаре.

ЕВГЕНИЯ ОВЧИННИКОВА

— Опять, зачем они опять, — бормотала я себе под нос.

Я нашла черные пластиковые мешки для мусора, дырявые строительные перчатки и стала трясуцимися руками собирать птиц в пакеты. Первый быстро наполнился, пришлось взять второй, потом еще. Собирала, пока не онемели руки. Ладони вспотели в перчатках, и я, плюнув на гигиену и безопасность, сняла и швырнула их в пакет к птицам. Солнце еще палило, хотя почти скатилось за горизонт.

Мимо возвращались с речки соседи. Семья — бабушка, дедушка, двое дочерей с мужьями, четверо внуков.

— Здравствуйте, Алекс... — начала бабушка и осеклась.

Я повернулась к ним и не сразу поняла, почему они ошарашенно замерли, а потом матери схватили за руки детей и потащили прочь. Я хотела сказать, что это все птицы, подняла руку и сама в ужасе уставилась на нее — по локоть в крови. В крови были и ноги, и шорты, и футболка. Пока я рассматривала себя, соседи скрылись за своей калиткой.

Я бросила птиц и пакеты, вернулась в дом и залезла в душ. С трудом отмывала кровь и запах. Выглянула в кухонное окно — соседи на своем участке бурно обсуждали что-то, оглядываясь на наш дом. Ну вот. Стану теперь «сумасшедшей-теткой-руки-в-крови».

Телефон пару раз звякнул, но я швырнула в него полотенцем, трубка соскочила, и он замолчал. Отправила эсэмэс Сергею, чтобы срочно возвращался.

Тряпок для уборки не было, поэтому я замерла на веранде, глядя, как высыхает кровь на полу.

Телефон краснел из-под полотенца. Я положила трубку на место, и он тут же зазвонил. Я схватила трубку. Шипение, стон.

— Перезвоните, вас не слышно, — сказала я.

Может, тот, кто пытается дозвониться, услышит меня и поймет, что я здесь, что я жду звонка.

Гул в трубке сложился в слова:

— Саша, Сашенька, это ты?

Я схватилась за стену, качнулась вперед-назад. В голове вспыхивали и гасли картинки огня, дыма и развевающихся на ветру красных волос.

— Да... — прошептала я.

На том конце провода старая женщина всхлинула, и этот звук мгновенно обрушил на меня запах вареной картошки, картинка бедной квартиры с полированной стенкой, вечно включенным телевизором, пестрым ковром на полу. Я увидела, как там, за восемь тысяч километров, она плачет, приклонившись спиной к стене.

— Саша, Сашенька... Сашуля... Они нашли ее. Они ее нашли.

Глава 2

Безумный девяносто девятый. Вере исполнилось шестнадцать в январе, мне должно было исполниться осенью. Мы окончили десятый класс. Последнее свободное лето. С мая установилась —

ЕВГЕНИЯ ОВЧИННИКОВА

по радио так и говорили: «установилась» — жара, непривычная даже для нашего города. Из-за нее не успели зацвести растения, которые обычно цвели в мае или июне. Деревья стояли потерянные, листья на них скрутились от горя. Пахло сухостью, пылью, раскаленным асфальтом. Тут и там на тротуарах блестели горячие битумные пятна. На асфальте оставались следы от обуви, он размяк до того, что можно было надавить пальцем — и оставить ямку. На дачах все посадки засыхали сразу, как только выбивались из-под земли под губительный солнечный зной. Дачники жаловались, что не будет ни редиски, ни огурцов, ни даже зелени. Не будет ни домашних закруток, ни тыквенного сока, ни картошки. На картошке трагически замолкали: совсем непонятно, как прожить без картошки.

Во всех домах распахнулись двери и окна, иначе пережить пекло было невозможно. Разговоры, и без того слышные через тонкие стены хрущевок, выдувало сквозняками, и соседская жизнь становилась общим достоянием. Надрывно дребезжали вентиляторы.

Вдобавок ко всему закрылся завод. В мае назначили нового директора из Москвы, но в первый же рабочий день у дверей проходной на него свалилась ракета. Не настоящая, конечно. На фасаде «Полифема» взлетали вверх три бетонные ракеты. Одна из них обрушилась. Обломки бетона и кирпича упали на голову москвича, и он умер на месте. Новость разнеслась по Гордееву со скоростью

света. Еще до того, как труп увезли, мы с ребятами со двора уже толкались в толпе, окружившей пятак, пробивая себе путь, чтобы разглядеть получше. Место не оградили сигнальной лентой — наверное, у милиции ее попросту не было. Когда зрители слишком уж приближались, один из милиционеров делал круг, отгоняя нас:

— Так, отходим, отходим, не мешаем следствию.

И хотя все было понятно, за расследование взялись серьезно. Местные тихо злорадствовали, что, мол, хотели разобрать и продать завод китайцам, да, видно, есть Бог на свете. Директором назначили главного инженера, но через две недели завод все-таки закрыли.

По городу разлилась безнадега: «Полифем» был градообразующим предприятием. К тому же жара не давала передохнуть.

Солнце раскалило землю, высушило реки, озера и канавы. В самый разгар лягушачьего сезона, когда их вечернее пение заглушает даже звуки трассы, было непривычно тихо: икра лягушек высохла вместе с лужами, и выжившие одиночки тоскливо квакали в ночи, вызывая на разговор таких же несчастливиц, рассеянных по редким тинистым канавам.

— Соловьи поют, — говорил в другие годы отец заезжим туристам, когда мы привозили их на экскурсию в тайгу.

Тягучее лягушиное кваканье можно было по незнанию принять за птичьи трели. И лица столичных богатеев разъезжались в благодостной улыбке:

ЕВГЕНИЯ ОВЧИННИКОВА

ясно, когда соловьи поют, положено благостно улыбаться. Отца это смешило до слез. Он каждый раз рассказывал матери эту историю, вытирая слезы кухонным полотенцем:

— Дураки, ну дураки! Соловьи поют! Этим лохам че хочешь впаришь.

Туристы приезжали редко, раз-два за лето. Мы вывозили их в лес за сопкой с телевышкой. Отец петлял на старенькой «Ниве» по окрестностям, потом ставили палатку на сухом тенистом склоне. Гости думали, что они в настоящей тайге. Но большего и не требовалось. Я водила их на рыбалку, вечером жгли костер, а отец рассказывал страшилки. Изредка стреляли уток и тетеревов. Ночами из палатки не выходили, запуганные нашими байками о медведях-людоедах. Ночи через две-три счастливая и искусанная комарами компания убиралась восвояси.

В другое время отец охотился и рыбачил, часто пропадал в настоящей тайге. Мать запрещала приносить домой неразделанную дичь, и я прибегала в гараж помогать ему. Мы кипятили воду в котле на треноге над ямой с костром, который разжигали сразу за гаражом. В нем при свете тусклой лампочки он ощипывал и потрошил птиц, освеживывал зайцев. Мне нравилось заниматься зайцами. Кровь отец выпускал сразу в тайге, поэтому мне оставалось снять шкуру и выпотрошить тушку. Нужно было сначала подвесить зайца за одну заднюю лапу, надрезать ее по кругу ниже колена, потом подрезать до хвоста. То же самое — со второй лапой. Потом

я снимала шкурку с хвоста и задних лап. С передними было иначе. Передние колени требовалось перерубить, чтобы они остались в шкуре. Потом — надрезы у ушей и вокруг глаз, чтобы снять шкуру с головы. После того как заяц оставался без шкуры, делался надрез на брюхе, и оттуда вываливались внутренности. Отец приносил воду из колонки на углу, и я смывала кровь с зайца и со своих рук, полоскала сердце, печень.

Мы приносили дичь домой. Мать сама разделывала тушки, раскладывала куски по пакетам и замораживала. Шкуры отец продавал сразу, не сушил и не выделывал. Говорил, хлопотное это дело.

Ближе к лету жара стала невыносимой даже в тайге, а отец был уже немолод и остался в городе. Помогал одним знакомым строить баню, потом другим — строить гараж. За деньги. Он никогда никому не помогал просто так.

В колыхающемся, как огонь, воздухе ничто не выживало. Цвел только шиповник под окном Веры. Они с матерью жили в доме напротив, на первом этаже. Окно ее комнаты выходило во двор. Иногда я видела, как утром она высовывалась из окна и выливали на кусты ведро воды. Спасенные кусты в благодарность развернули ядовито-розовые цветы. Их запах разносился по всему двору. Шиповник осыпал двор каплями лепестков. Она задерживалась, чтобы провести пальцами по цветам, и я чувствовала, как лепестки прогибаются под ее рукой, и смотрела, как она запрокидывает за ухо свои красные волосы.

ЕВГЕНИЯ ОВЧИННИКОВА

В июне подул ветер. Мы радовались: с ветром стало легче переносить жару. Но от раскаленного ветра вспыхнула тайга. Пожары начались далеко, у Хабаровска. Сначала низовые. Горел торф, но он горел каждое лето, это было нормально, привычно. Все заволакивало дымкой, которая почти не пахла, да и горели равнины далеко от нас. Но ветер раздул искры, и они взметнулись вверх, на смоляные лапы елей и кедров, и те бешено запылали.

Мы смотрели новости по ОРТ и надеялись, что пожарные службы остановят огонь. Но тушили один пожар, а через день вспыхивало в другом месте. Пламя подбиралось к нам, пожирая километры тайги. Сосны и лиственницы загорались, поджигали друг друга и падали, еще горящие, увлекая за собой своих гигантских сестер.

— Пожарами охвачены сотни гектаров тайги в Хабаровском крае и Амурской области, — тревожно говорила ведущая новостей.

Я ненавидела ее всей душой за приторную тревожность, безупречную одежду, за то, как она накрашена и как на самом деле далека от нас.

Она не знала, что от небывалой жары и ожидания, когда огонь доберется до города, местные начали сходить с ума. Наша восьмиполосная черно-белая газета, которая вешала и новости, и программу передач, и объявления, каждый день смаковала сообщения о драках, сожженных цветочных киосках, бандитских разборках с десятками пострадавших, семейных стычках, закончившихся разбитыми головами.